PG3317
.N6
V463
1911

a 00002 01119 2

№ 9 СЕРІЯ БІОГРАФИЧЕСКАЯ № 9

Н. И. НОВИКОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ЮРІЯ ВЕСЕЛОВСКАГО

Изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗВѢЗДА“ Н. Н. ОРФЕНОВА
МОСКВА

PG3317
.N6
V463
1911

Н. И. НОВИКОВЪ

N.I. NOVIKOV

(ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
Юрія Веселовскаго

Изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗВѢЗДА“ Н. Н. ОРФЕНОВА
МОСКВА

На основаніи закона 20 марта 1911 г. перепечатка воспрещается.

Москва, Тип. „Продпуть“, Серебряническая наб., д. 23-а.

Н. И. НОВИКОВЪ

(1744—1818 гг.)

Новиковъ—нашъ первый общественный дѣятель, стремившійся отдать всѣ свои силы на благо своей страны, ставившій общественныя нужды выше личныхъ, неизмѣнно желавшій приносить пользу своимъ ближнимъ,—чего бы это ни стоило. Въ XVIII столѣтіи немало было у насъ людей выдающихся, даровитыхъ и просвѣщенныхъ,—но едва ли кто можетъ вполнѣ сравниться съ нимъ по своимъ душевнымъ свойствамъ, самоотверженію, вѣрѣ въ то великое значеніе, какое образованность и нравственное совершенствованіе должны имѣть и для отдѣльнаго человѣка, и для цѣлаго общества. Новиковъ доказалъ, что частныя лица, на свой страхъ, безъ всякой поддержки со стороны правительства, могутъ сдѣлать очень много для блага своихъ согражданъ, если только поймутъ свой долгъ по отношенію къ нимъ и не будутъ страшиться никакихъ преградъ, опасностей, преслѣдованій.

Многое пришлось ему вынести именно—какъ общественному дѣятелю; за всѣ свои труды и полезныя начинанія, онъ получилъ длинный рядъ тревогъ, непріятностей, допросовъ, стѣсненій, въ конечномъ итогѣ—

Шлиссельбургскую крѣпость, вытянувшую изъ него всѣ жизненныя силы. Но на его сторонѣ были всѣ отзывчивые, чуткіе и просвѣщенные люди, сохранившіе и въ дальнѣйшемъ восторженную и благоговѣйную память о немъ. Имя его дошло до нашихъ дней, и, хотя быстро развивающаяся жизнь оставила далеко позади многое изъ того, что волновало и воодушевляло русское интеллигентное общество въ XVIII столѣтіи, и различные новые вопросы давно уже привлекаютъ вниманіе нашихъ передовыхъ дѣятелей, просвѣтительная работа, выполненная когда-то Новиковымъ, сохраняетъ свое прежнее значеніе. Можно и теперь подписаться подъ тѣми словами, которыми закончилъ свою книгу о Новиковѣ болѣе ранній—и очень освѣдомленный для своего времени—изслѣдователь его жизни и творчества, Лонгиновъ, который, упомянувъ объ его могилѣ въ церкви села Тихвинскаго-Авдотьина, прибавляетъ: „Тотъ, кто чтитъ подвиги добра и любитъ отечество, не останется равнодушнымъ при видѣ этой скромной могилы“...

* * *

Новиковъ дорогъ намъ, прежде всего,—именно какъ общественный дѣятель и распространитель просвѣщенія, какъ основатель типографій, книжныхъ лавокъ, читаленъ, школъ, издатель полезныхъ и доступныхъ по цѣнѣ книгъ, наконецъ, сторонникъ широкой и разумной благотворительности. Дорога и памятна для насъ его просвѣтительная работа въ Москвѣ,—начиная съ 1779 года,—совершенно небывалая по своимъ размѣрамъ, разносторонности и выдержкѣ. Эта незабвенная *московская полоса его жизни*, по сравненію съ которой блѣднѣетъ и отходитъ на второй планъ все остальное, и будетъ, главнымъ образомъ, разсматриваться въ этой книжкѣ. Предыдущая пора его дѣятельности кажется какъ бы подготовительной ступенью, первою пробою своихъ силъ, поисками того, чему можно было бы вполнѣ, беззавѣтно отдаться, когда представится для этого возможность. Если бы Новиковъ былъ извѣстенъ въ исторіи нашей словесности только какъ редакторъ знаменитыхъ сатирическихъ журналовъ 1769—1774 годовъ—„Трутень“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“,—издатель старинныхъ па-

мятниковъ русской письменности или цѣнныхъ документовъ, относящихся къ старой Руси („Древняя Россійская Вивліоѳика“, „Повѣствователь древностей россійскихъ“), его имя не было бы все же окружено такою славою и не имѣло бы для поздняго потомства такой неотразимой привлекательности. Но та общественная жилка, которая отличаетъ его въ лучшую пору его жизни и дѣятельности, сказалась уже въ то время, когда онъ не успѣлъ еще проявить всѣхъ своихъ способностей и только намѣчалъ себѣ пути.

Бывшій ученикъ московской университетской гимназіи, не кончившій тамъ курса, уволенный „за нехожденіе въ классъ“, такъ никогда и не получившій правильнаго образованія, но высоко его цѣнившій, и все дѣлавшій, чтобы восполнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, одно время служившій въ Измайловскомъ полку, Новиковъ въ 1767 году былъ приглашенъ на должность одного изъ секретарей созванной въ Москвѣ Екатериною Комиссіи для составленія проэкта новаго уложенія.

Это была, какъ извѣстно, комиссія совершенно особаго рода, многолюдная, не имѣвшая, къ тому же, ничего общаго съ канцелярскимъ міромъ; въ древнюю столицу вызваны были представители различныхъ сословій, которые явились съ соотвѣтствующими „наказами“, съ изложеніемъ своихъ жалобъ, пожеланій, съ планами будущихъ преобразованій различныхъ сторонъ русской жизни... Въ первый разъ послѣ большого перерыва—со времени земскихъ соборовъ, игравшихъ такую важную роль въ московскомъ политическомъ обиходѣ XVII столѣтія,—

говоря словами Апухтина, „въ столицу Грознаго сзывались депутаты", для которыхъ императрица составила свой знаменитый „Наказъ", полный заимствованій изъ иностранныхъ писателей и мыслителей, но такъ или иначе проводившій въ сознаніе этихъ депутатовъ новыя, болѣе широкія идеи и понятія... Если екатерининская комиссія и не принесла вполнѣ осязательныхъ плодовъ, и члены ея должны были разъѣхаться, такъ и не выполнивъ своей основной задачи, если Екатерина вскорѣ разочаровалась въ своей затѣѣ, то много все же вскрылось при этомъ темныхъ явленій русской жизни, и отдѣльныя выступленія членовъ Комиссіи, изъ числа наиболѣе сознательныхъ, сослужили хорошую службу дѣлу выясненія наболѣвшихъ вопросовъ и насущныхъ потребностей отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Состоя однимъ изъ секретарей этой комиссіи, составляя ежедневно отчеты объ ея засѣданіяхъ, Новиковъ впервые познакомился со многими сторонами родной дѣйствительности,—и у него явилось горячее желаніе сдѣлать при первой возможности свой вкладъ въ общую работу, предпринять что-нибудь общеполезное, плодотворное, двигающее жизнь впередъ...

Когда занятія комиссіи прекратились, будущій журналистъ и просвѣтитель остался какъ бы не у дѣлъ и не зналъ, какое поприще ему избрать. Другой на его мѣстѣ, быть можетъ, остановился бы на самой обыкновенной служебной дѣятельности,—выбравъ только наиболѣе спокойную и хорошо оплачиваемую—а то и просто „доходную"... Но служба совершенно не привлекала его, она казалась ему чѣмъ-то безжизненнымъ и формальнымъ; сверхъ того онъ не согласенъ былъ поступиться своею

самостоятельностью и независимостью. И вотъ онъ избираетъ поприще журналиста, но хочетъ прежде всего обличать всѣ недостатки и пороки русской жизни, вести непримиримую борьбу со всѣми врагами общества, призывать къ отвѣту, проповѣдывать новыя идеи! Такъ возникаютъ три сатирическихъ его журнала, названія которыхъ приведены были выше *). Многія страницы ихъ и теперь читаются съ удовольствіемъ и живымъ интересомъ; искренность негодованія и безусловная убѣжденность автора заразительно дѣйствуютъ даже на современнаго читателя. Новиковъ и его сотрудники вооружались противъ крѣпостного права, взяточничества, неправосудія, старомоднаго невѣжества и новомодной полуобразованности, противъ чванства и родовой спѣси, ханжества и лицемѣрія, порчи нравовъ, нелѣпаго, уродливаго воспитанія, внѣшняго подражанія всему иностранному. Но не въ качествѣ далекаго отъ жизни проповѣдника и обличителя общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ выступалъ главный редакторъ и вдохновитель журнала; не отъ общихъ мѣстъ, и не въ мягкой, добродушной формѣ хотѣлъ онъ изображать всѣ несовершенства русской жизни! Онъ давалъ живыя и правдивыя бытовыя картины, обрисовывалъ хорошо ему знакомую будничную, сѣрую русскую дѣйствительность. Нѣкоторыя страницы въ его журналахъ могутъ поспорить съ луч-

*) См. книгу А. Афанасьева „Русскіе сатирическіе журналы:„ Незеленовъ, „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ“; Боголюбовъ, „Н. И. Новиковъ и его время“ (1916); статью Добролюбова „Русская сатира Екатерининскаго времени“ (сочиненія, т. I).

шими отрывками изъ бытовыхъ комедій того времени. Остроумно и мѣтко высмѣиваетъ, между прочимъ, Новиковъ полуобразованную молодежь, гонящуюся за всѣмъ чужимъ, въ частности французскимъ, но не понимающую истиннаго смысла западно-европейской образованности, въ глубинѣ души—грубую и невѣжественную, какъ и раньше, нахватавшуюся только „верховъ", презирающую свой народъ и его языкъ, рабски преклоняющуюся передъ модою.

Иногда Новикову начинало казаться, что старая, простая, безхитростная русская жизнь была лучше, нравственнѣе, цѣльнѣе, что въ иныхъ отношеніяхъ люди новаго поколѣнія могли бы съ успѣхомъ поучиться у своихъ предковъ... Но, наряду съ этимъ,—всегда правдивый и незакрывавшій глазъ на истинное положеніе вещей,—редакторъ „Трутня" и „Живописца" давалъ своимъ читателямъ и весьма краснорѣчивыя картины всего темнаго, грубаго и недобросовѣстнаго, что совмѣщалось въ старинной русской жизни съ отдѣльными привлекательными и достойными уваженія сторонами. Въ этомъ отношеніи очень интересны знаменитыя „Письма къ Ѳалалею", напечатанныя въ „Живописцѣ". Ѳалалей живетъ въ столицѣ, а его родные—отецъ, мать, дядя—пишутъ ему письма изъ провинціи, приглашая его вернуться, расхваливаютъ условія мѣстной жизни и такимъ образомъ невольно отражаютъ подлинную русскую дѣйствительность. Вотъ небольшой отрывокъ (съ сокращеніями) изъ письма отца молодого человѣка, обрисовывающій и столь упорно державшееся у насъ лицепріятіе и самоуправство,—и дикіе взгляды на вопросы воспитанія.

„А я тебѣ уже пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотна и писать умѣетъ, а лучше всего—великая экономка: у нея ни синь порохъ даромъ не пропадетъ; такую то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ... Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста—двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь, это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна: то-то любо! и курицы будетъ некуда выпустить... Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригодиѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть ли не то же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ тебѣ писать съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гонялись за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! Бывало, животики надорвемъ отъ смѣха"!

Въ сатирическихъ журналахъ Новикова были, однако, и страницы потрясающія, которыя нельзя читать безъ внутренняго волненія. Къ числу ихъ принадлежитъ одно изъ самыхъ яркихъ отраженій крѣпостного права въ нашей литературѣ XVIII столѣтія—помѣщенный въ „Живописцѣ" „Отрывокъ изъ путешествія въ* * * *"). Съ этимъ „Отрывкомъ", который такъ и остался, къ сожалѣнію, неоконченнымъ, можно сопоставить только наиболѣе сильныя мѣста въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" Радищева. Въ дни Екатерины не

разъ затрагивалась отдѣльными писателями участь крѣпостного люда, обрисовывались его страданія и невзгоды *),—но рѣдко кто давалъ такія картины нищеты и разоренія, какія мы находимъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, подписанномъ буквами *И. Т.* (или—Издатель Трутня, т. е. Новиковъ, или И. Тургеневъ). Даже, если предположить, что отрывокъ написанъ не самимъ Новиковымъ,—то все же то обстоятельство, что онъ напечатанъ былъ въ „Живописцѣ", лишній разъ указываетъ на то, что участь крестьянства была близка сердцу Новикова и вызывала съ его стороны неподдѣльное состраданіе.

„Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ", читаемъ мы въ началѣ этого отрывка. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ

*) Объ этомъ — у В. И. Семевскаго, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. I — и въ нашей статьѣ „Народъ и деревня въ русской поэзіи второй половины XVIII вѣка" („Литер. Очерки", т. I; 2-е изд., М. 1910).

сами были тому виною. О человѣчество! Тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ! О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ". И за этими негодующими и скорбными вступительными строками идетъ мрачная, безотрадная картина внѣшняго вида деревни Разоренной...

Такъ смѣло и открыто подходилъ Новиковъ къ больнымъ вопросамъ русской жизни. Вначалѣ онъ могъ надѣяться, что Екатерина поддержитъ его борьбу съ темными явленіями русской жизни,—вѣдь, это была, сравнительно, свѣтлая полоса ея царствованія, когда она, повидимому, хотѣла покровительствовать литературѣ, привлекать къ себѣ всѣ свѣжія, жизнеспособныя силы... Но общій тонъ новиковской сатиры показался императрицѣ слишкомъ рѣзкимъ и непримиримымъ. Сама она принимала негласно участіе въ другомъ сатирическомъ изданіи— „Всякая Всячина", съ которымъ немало спорилъ и боролся „Трутень". Но тамъ господствовалъ совершенно другой тонъ,—болѣе умѣренный, осторожный и благодушный. Императрица требовала болѣе снисходительнаго отношенія къ отрицательнымъ явленіямъ жизни, напоминая о томъ, что всѣ люди—не безъ грѣха... Не такова была сатира Новикова! Онъ хотѣлъ прежде всего приносить пользу, выполнять извѣстное общественное служеніе. Это оказалось болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ онъ предполагалъ. И „Трутень", и „Живописецъ", повидимому, умерли преждевременною смертью, по независящимъ

отъ редактора обстоятельствамъ. „Отрывокъ изъ путешествія“ оказалось прямо невозможнымъ продолжить, хотя многое осталось недоговореннымъ. Третій журналъ Новикова „Кошелекъ“ поневолѣ долженъ былъ очень сузить рамки своихъ сатирическихъ нападокъ.—Тяжелыя условія русской жизни опредѣленно напоминали о себѣ смѣлому журналисту.

То же стремленіе благотворно вліять на согражданъ, поднимать ихъ духовно, содѣйствовать улучшенію и обновленію жизни заставило Новикова, послѣ временнаго отклоненія въ сторону русской старины, очень цѣнныхъ, въ своемъ родѣ, для той поры, работъ по исторіи, печатанія старинныхъ памятниковъ, наконецъ, созданія перваго у насъ „Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, примкнуть къ одному изъ главныхъ теченій русской и особенно западно-европейской жизни того времени: рѣчь идетъ о масонствѣ или орденѣ „вольныхъ каменьщиковъ“, стремившемся переродить человѣка нравственно, и насчитывавшемъ въ числѣ своихъ членовъ на разныхъ концахъ Европы немало выдающихся, даровитыхъ, искренно убѣжденныхъ людей. Подобно Пьеру Безухову, изъ „Войны и мира“ Толстого, временно совершенно перерождающемуся въ тяжелую для него пору жизни, подъ вліяніемъ встрѣчи и бесѣды съ масономъ Баздѣевымъ, а затѣмъ—и вступленія въ масонскую „ложу“, Новиковъ искалъ въ масонствѣ именно того, что было близко и дорого душѣ его. Ему казалось необыкновенно привлекательнымъ это всемірное братство людей, стремившихся къ нравственному совершенствованію, желавшихъ, какъ они выражались, „строить внут-

ренній духовный храмъ", часто—искренно религіозныхъ и, какъ ему представлялось, глубже, сознательнѣе, чѣмъ большинство людей, понимавшихъ истинный смыслъ вѣры, отношеніе человѣка къ Богу, своимъ ближнимъ, природѣ.

На много оттѣнковъ и разновидностей распадалось въ ту пору масонство и не всѣ они имѣли одинаковое значеніе *); кое-гдѣ всего больше вниманія обращалось на внѣшнюю, обрядовую сторону масонскихъ собраній и празднествъ, иногда становившуюся очень пышною, сложною, замысловатою, съ другой стороны—запугивающею и мрачною, якобы для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на душу человѣческую,—что было совершенно чуждо людямъ въ родѣ Новикова. Иные масоны стремились прежде всего заниматься различными „тайными знаніями", въ родѣ алхиміи и магіи, думали открыть способъ выдѣлывать искусственнымъ путемъ золото или изобрѣсти лекарство, помогающее отъ всѣхъ болѣзней... Извѣстная часть западно-европейскихъ масоновъ,—но, сравнительно, небольшая,—живо интересовалась вопросами чисто политическими и принимала участіе въ политической борьбѣ, что, въ связи съ таинственностью, какою всегда была окружена дѣятельность масоновъ, вызывало много тревогъ и подозрѣній у правителей различныхъ странъ, иногда плохо разбиравшихся въ оттѣнкахъ масонства.

---

*) Новѣйшія работы о масонствѣ: Г. В. Вернадскій, „Русское масонство въ царствованіе Екатерины II" (1917); „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ", подъ ред. С. Мельгунова и Н. Сидорова (изданіе продолжается). — Большое значеніе имѣетъ „Переписка московск. масоновъ XVIII вѣка", подъ ред. и съ вступит. статьей Я. Л. Барскова.

Но не эти стороны привлекли Новикова къ масонскому міру, который долженъ былъ наложить отпечатокъ на всю его дальнѣйшую дѣятельность! Отказавшись поневолѣ отъ карающей, обличительной сатиры, онъ рѣшилъ повліять на русское общество по другому—путемъ нравственной проповѣди, призыва къ обновленію, наконецъ, просвѣтительной работы, которая всегда была близка сердцу лучшихъ масоновъ, отвергавшихъ всѣ крайнія, разрушительныя, построенныя на отрицаніи, ученія, но возставшихъ и противъ суевѣрій и невѣжества, стоявшихъ за широкое образованіе и видѣвшихъ въ борьбѣ за него нравственный долгъ по отношенію къ людямъ-братьямъ, безъ различія происхожденія, состоянія или общественнаго положенія. Новикову представлялось, что при помощи тѣсной связи, объединявшей между собою масонскія организаціи, гдѣ бы онѣ ни дѣйствовали, удастся прочно наладить, рано или поздно, просвѣтительную и воспитательную дѣятельность.

Когда онъ сталъ издавать, въ 1777 г., журналъ „Утренній Свѣтъ", въ этомъ журналѣ уже не оказалось сатиры, но много вниманія было удѣлено вопросамъ нравственнымъ, религіознымъ и философскимъ, въ общемъ—съ масонскою окраскою. Но общественная жилка Новикова сказалась и въ этомъ изданіи: редакторъ „Утренняго Свѣта" старался поддерживать оживленныя сношенія со своими подписчиками, часто присылавшими весьма любопытныя „письма въ редакцію", которыя показывали, что у журнала есть многочисленные читатели-друзья. Съ другой стороны, на доходы отъ своего изданія Новиковъ основалъ въ Петербургѣ два училища для дѣ-

тей мѣщанъ—Екатерининское и Александровское, причемъ въ „Утреннемъ Свѣтѣ" сообщались свѣдѣнія о томъ, какъ идутъ занятія въ этихъ училищахъ, печатались денежные отчеты, и всѣ подписчики, которыхъ Новиковъ считалъ какъ бы собственниками ихъ, приглашались лично ихъ посѣтить и удостовѣриться, какъ тамъ ведется дѣло... Чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ вѣяло отъ этого своеобразнаго начинанія журналиста-гражданина, поборника разумнаго воспитанія и образованности,—и въ этомъ случаѣ столкнувшагося съ несочувственнымъ отношеніемъ къ его слишкомъ смѣлому, по тому времени, почину—со стороны самой императрицы.

* * *

По сближеніе съ масонствомъ, увлеченіе его призывомъ къ нравственному совершенствованію и помощи нуждающимся, обездоленнымъ братьямъ должно было отразиться не только на дѣятельности Новикова, какъ журналиста, редактора „Утренняго Свѣта", основателя училищъ. Приближалась пора, когда передъ нимъ должно было, именно — благодаря его связямъ съ масонами, открыться новое, несравненно болѣе широкое и разнообразное поприще. Приближалось, по выраженію В. О. Ключевскаго, „новиковское десятилѣтіе" русской умственной и общественной жизни, когда, вмѣстѣ съ нѣсколькими единомышленниками и сподвижниками, тотъ, кто уже и раньше немало сдѣлалъ для русскаго просвѣщенія, получилъ возможность выполнить крупную, необычную потому времени задачу, стремясь откликнуться на всѣ нужды русскаго общества, будить работу мысли, смягчать нравы, давать среднему классу здоровую духовную пищу. Въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, должны были проявиться въ полномъ блескѣ эти способности Новикова, съ самаго начала его отличавшія, заставившія его

какъ мы видѣли, ухватиться за масонство, въ надеждѣ, что оно облегчитъ ему своимъ внутреннимъ строемъ выполненіе увлекавшихъ его задачъ; въ Москвѣ его ожидали минуты глубокаго удовлетворенія, тѣсное общеніе съ близкими по духу людьми, крупные успѣхи просвѣтительныхъ начинаній—а затѣмъ преслѣдованія, гоненія, незаслуженныя обиды и страданія, подкосившія его здоровье и силы...

Московскій періодъ жизни Новикова начался въ 1779 году, когда онъ получилъ отъ одного изъ четырехъ „кураторовъ" (попечителей) московскаго университета, писателя и масона М. М. Хераскова, предложеніе—переѣхать въ древнюю столицу, чтобы прочно основаться тамъ, сдѣлавшись арендаторомъ университетской типографіи и редакторомъ газеты „Московскія Вѣдомости". Аренда должна была длиться десять лѣтъ, то-есть до 1789 года; Новикову предстояло сверхъ того, принять въ свое завѣдываніе и университетскую книжную лавку, которая была тѣсно связана съ типографіей. Всѣ эти предпріятія до той поры шли очень плохо, приносили ничтожный доходъ и не пользовались сочувствіемъ публики.

Типографія была совсѣмъ не такая, какую подобало бы имѣть университету—и по числу наборщиковъ, и по количеству и качеству шрифтовъ, и по числу книгъ, которыя она выпускала... За годъ изъ нея не выходило даже десятка новыхъ изданій,—между тѣмъ для просвѣщенія русскаго общества нужно было бы, положительно, засыпать его книгами, разнообразными, развивающими, подходящими къ его нуждамъ, вполнѣ доступными по

цѣнѣ! Вѣдь невѣжество было тогда у насъ слишкомъ велико,—только „верхи“ получали нѣкоторое образованіе на европейскій ладъ или, по крайней мѣрѣ, подобіе такого образованія... Нужно вспомнить также, что частныхъ, „вольныхъ“, типографій тогда въ Россіи не было, что, напримѣръ, въ Москвѣ, кромѣ университетской, существовала еще только сенатская, и лишь въ 1783 году изданъ былъ Екатериною указъ, которымъ было предоставлено всѣмъ желающимъ основывать вольныя типографіи, при чемъ даже не требовалось предварительнаго разрѣшенія, а достаточно было сдѣлать заявленіе такъ-называемой Управѣ Благочинія, то-есть старомодному полицейскому управленію, которое, однако, вѣдало и нѣкоторыя судебныя дѣла, вслѣдствіе чего получалась значительная путаница, не говоря уже о томъ, что „бумажное производство“ доходило тамъ до крайнихъ размѣровъ.

Какъ бы то ни было, указъ 1783 года имѣлъ въ свое время очень важное значеніе. Но въ 1779 г. печатное дѣло находилось у насъ еще въ прежнемъ, довольно плачевномъ состояніи... Московская университетская типографія, которая, повидимому, должна была стоять наравнѣ съ лучшими учрежденіями подобнаго рода на Западѣ, въ дѣйствительности отнюдь не могла даже въ малой степени соперничать съ ними. Рабочихъ было недостаточно, различныхъ шрифтовъ—тоже. О такихъ чудныхъ по внѣшнему виду изданіяхъ, какія нерѣдко выходили въ Западной Европѣ именно въ XVIII столѣтіи, не было и помину. Книжная торговля, которую также предлагалось взять въ аренду Новикову,

находилась въ столь же неудовлетворительномъ состояніи. Въ 1779 году списокъ книгъ, которыя можно было тамъ пріобрѣсти, заключалъ въ себѣ всего около 170 названій. Да и не всѣ книги, какія предлагались въ этой книжной лавкѣ любознательному читателю, были одинаково интересны, пригодны, способны дѣйствовать развивающимъ образомъ... А вѣдь университетская типографія была главнымъ источникомъ, откуда широкіе круги московскихъ читателей (да и не однихъ московскихъ!) могли получить умственную пищу! другія же, къ тому же—очень немногочисленныя, лавки, гдѣ можно было добывать книги, иногда—вмѣстѣ съ совершенно другимъ „товаромъ“, были еще того хуже.

Наконецъ, основанныя въ 1756 г., черезъ годъ послѣ учрежденія московскаго университета, „Московскія Вѣдомости“, которыя предстояло редактировать Новикову, были вплоть до 1779 г. довольно сухимъ, безжизненнымъ изданіемъ. Мало тамъ было развивающаго, говорящаго уму читателя, даже просто занимательнаго! Сообщались нѣкоторыя, болѣе или менѣе важныя извѣстія,—московскія, общерусскія, иностранныя, чисто военныя,—удѣлялось много вниманія придворной жизни, печатались разные указы, распоряженія по различнымъ вѣдомствамъ. Главною статьею дохода были казенныя объявленія, которыя и въ дальнѣйшемъ должны были обязательно помѣщаться въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Подписчиковъ же было не болѣе 600 человѣкъ на всю Россію. Да это и не удивительно: у насъ еще вообще тогда не привыкли правильно читать книги и журналы, а тутъ, вдобавокъ, мало что можно было найти, какъ го-

ворится, „для души“; между тѣмъ, въ этомъ уже начинала сказываться потребность.

Московскіе масоны, и прежде всего—Херасковъ, хорошо знали, въ какомъ незавидномъ положеніи находятся всѣ эти начинанія. Но всѣ, кто лично или понаслышкѣ былъ знакомъ съ предыдущею дѣятельностью Новикова, какъ то заранѣе были увѣрены, что онъ всюду можетъ вдохнуть новый духъ, такъ какъ у него много любви къ дѣлу, предпріимчивости, выдержки, — что нельзя найти болѣе подходящаго человѣка для усиленной, неустанной работы на пользу народнаго просвѣщенія и нравственнаго воспитанія общества. Такого мнѣнія о редакторѣ „Утренняго Свѣта“ былъ и Херасковъ. Въ 1778 г. онъ былъ назначенъ однимъ изъ кураторовъ московскаго университета (онъ былъ наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ, такъ какъ другіе вначалѣ даже не жили въ Москвѣ), а въ слѣдующемъ году Новиковъ уже получилъ отъ него то приглашеніе, о которомъ шла рѣчь выше. То обстоясельство, что Херасковъ, лично узнавшій своего сотрудника и сподвижника еще въ Петербургѣ, пожелалъ его привлечь къ просвѣтительной и воспитательной работѣ, не можетъ удивить насъ. Мало говоритъ современному обществу имя Хераскова; едва ли кто читаетъ теперь цѣликомъ его поэмы „Россіада“ и „Владиміръ“, его повѣсть „Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ“ или масонскія стихотворенія. Многое, очень многое въ нихъ, дѣйствительно, устарѣло; языкъ, мѣстами, — тяжелый и старомодный; изображеніе русскаго прошлаго, временъ Іоанна Грознаго и завоеванія Казани,—въ „Россіадѣ“, которую когда-то превозносили до небесъ, очень далеко

отъ того, что мы находимъ въ подлинной исторіи той поры. Наконецъ, во многихъ случаяхъ стихотворецъ просто подражалъ иностраннымъ писателямъ, заимствуя у нихъ многое цѣликомъ. Но сколько хорошихъ мыслей отражается въ его произведеніяхъ, съ какимъ жаромъ, съ какою убѣжденностью проповѣдуетъ онъ братство, миролюбіе, уваженіе къ человѣческому достоинству, милосердіе! Подобно многимъ другимъ писателямъ XVIII столѣтія, Херасковъ старался нарисовать образъ такого правителя, который всѣмъ жертвуетъ для блага своего народа, не ведетъ наступательныхъ войнъ, воздерживается отъ жестокихъ наказаній, является защитникомъ угнетенныхъ и обездоленныхъ.

Такимъ же былъ создатель „Россіады“ въ жизни. Всѣ, кто его зналъ, говорили объ его добротѣ, мягкости, ласковомъ обращеніи со всѣми, терпимости, способности забывать о себѣ ради другихъ. Въ его домѣ легко дышалось, туда охотно шли писатели, въ частности — молодые, которымъ онъ всегда былъ готовъ оказать поддержку и ободреніе, дать совѣтъ, на правахъ болѣе опытнаго дѣятеля словесности. Какъ другъ молодежи, выступалъ онъ и въ качествѣ руководителя такъ называемаго „Благороднаго Пансіона“, который состоялъ при университетѣ, и въ которомъ воспитывалось въ разное время немало выдающихся, даровитыхъ людей. Раздѣляя всѣ наиболѣе свѣтлые, привлекательные, истинно человѣчные взгляды и стремленія лучшихъ масоновъ, Херасковъ, естественно, хотѣлъ привлечь къ участію въ просвѣтительной работѣ своего единомышленника, товарища по ордену, уже показавшаго себя убѣжденнымъ, цѣль-

нымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Онъ зналъ ему цѣ-ну и многаго ожидалъ отъ него, — хотя, конечно, не могъ предвидѣть всей широты и разносторонности той работы, какую долженъ былъ въ дальнѣйшемъ выполнить неспособный останавливаться на полпути дѣятель. Предложеніе Хераскова было принято, и въ 1779 г. мы видимъ Новикова уже въ Москвѣ.

Начиналась совершенно новая, знаменательная, незабвенная въ исторіи русскаго общества полоса жизни благороднаго борца за просвѣщеніе, которой суждено было закончиться рядомъ тяжелыхъ и мучительныхъ переживаній.

* * *

Въ Москвѣ Новиковъ съ жаромъ отдался разносторонней, кипучей работѣ. Передъ его умственнымъ взоромъ, несомнѣнно, уже съ самаго начала проносились картины плодотворнаго труда, разнообразныхъ просвѣтительныхъ начинаній, самоотверженнаго служенія ближнимъ, въ духѣ лучшихъ завѣтовъ масонства. Содѣйствіе друзей и единомышленниковъ, казалось, открывало передъ нимъ новые, давно ему грезившіеся, но недоступные раньше пути. Наконецъ-то и на его улицѣ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, праздникъ,—наконецъ-то онъ могъ осуществить только отчасти выполнявшіеся имъ прежде планы! Усталости онъ никогда не боялся, преграды его не страшили. „Мой покоя духъ не знаетъ", могъ бы онъ сказать о себѣ словами поэта. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые жаждутъ дѣятельности, скучаютъ и томятся, когда ея нѣтъ, не щадятъ себя, хотятъ всегда давать больше того, что отъ нихъ могутъ ожидать. Новикова пригласили завѣдывать типографіей и книжной торгов-

лей, редактировать университетскую газету,—а въ дѣйствительности онъ сдѣлалъ неизмѣримо больше и развилъ небывалую по тому времени общественно-просвѣтительную дѣятельность. Такъ, нѣкогда въ старой Москвѣ приглашенный изъ чужихъ краевъ Максимъ Грекъ, который долженъ былъ заняться только исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и разборомъ великокняжеской библіотеки, отозвался съ теченіемъ времени на всѣ нужды и больные, животрепещущіе вопросы московской дѣйствительности, сталъ проповѣдникомъ просвѣщенія и борцомъ съ общественными недугами. И сколько разъ впослѣдствіи кореннымъ русскимъ людямъ приходилось расширять такимъ же образомъ рамки своей дѣятельности, чтобы отвѣтить на всѣ запросы своего общества и народа...

Та работа, ради которой былъ, прежде всего, приглашенъ въ Москву Новиковъ, была блестяще выполнена имъ. Типографія точно ожила подъ его руководствомъ. За шесть лѣтъ она выпустила болѣе 400 книгъ—послѣ прежняго убогаго и безжизненнаго состоянія! И книги эти были самаго разнообразнаго содержанія — несмотря на увлеченіе Новикова масонствомъ и его живой интересъ къ религіознымъ вопросамъ вообще, свѣтскихъ сочиненій печаталось значительно больше, чѣмъ духовныхъ. Все оборудованіе типографіи стало вскорѣ совершенно другимъ; дѣлались заказы, выписывалось все недостающее изъ другихъ странъ, увеличивалось число наборщиковъ и печатниковъ. Когда же, послѣ указа 1783 г., явилась возможность основывать частныя типографіи, Новиковъ, тогда уже дѣйствовавшій въ единеніи

съ цѣлымъ кружкомъ единомышленниковъ, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе, создалъ еще свою собственную типографію,—а въ пору наибольшаго расцвѣта своей дѣятельности былъ однимъ изъ руководителей п я т и предпріятій этого рода... Невольно преклоняешься передъ такою предпріимчивостью и рѣдкою способностью неустанно трудиться, разъ идетъ рѣчь о просвѣщеніи и благѣ общества, притомъ — трудиться вполнѣ безкорыстно, такъ какъ заранѣе нельзя было надѣяться на какіе бы то ни было доходы отъ всѣхъ этихъ начинаній!

Измѣнилась въ рукахъ умѣлаго и просвѣщеннаго человѣка также и книжная лавка, такъ мало дававшая раньше московскому обществу. Постепенно она пріобрѣла громадное просвѣтительное значеніе. Въ лучшую пору дѣятельности Новикова она имѣла крупные обороты, распространяла книгъ на десятки тысячъ рублей, была хорошо извѣстна не только въ Москвѣ, но и въ провинціи. Завязаны были сношенія съ другими городами, притомъ—не только крупными, но и мелкими, захолустными, гдѣ раньше книги совсѣмъ не продавались. Въ разныя части Россіи отправлялись агенты для ознакомленія мѣстной публики и книгопродавцевъ съ новиковскими изданіями. Въ 17-ти городахъ подъ воздѣйствіемъ Новикова были впервые основаны книжные магазины; то же самое происходило и въ Москвѣ, гдѣ возникло нѣсколько новыхъ книжныхъ лавокъ, опять-таки — подъ вліяніемъ небывалой дѣятельности университетской книготорговли. Новиковъ старался о томъ, чтобы его изданія проникали и в ъ д е р е в н ю, — и мѣстами ему удалось этого достигнуть.

Въ данномъ случаѣ важно было не только то, что общество пріучалось читать и дорожить чтеніемъ (любопытно, что при книжной лавкѣ Новикова открыта была и первая въ Москвѣ библіотека-читальня), но также и качество распространявшихся книгъ. Въ университетской книжной лавкѣ можно было пріобрѣтать самыя разнообразныя сочиненія—религіозныя, нравоучительныя, философскія, по вопросамъ воспитанія, медицинскія, сельскохозяйственныя, многочисленные учебники по всѣмъ предметамъ, наконецъ, повѣсти, разсказы, стихотворныя произведенія. Если не всѣ эти книги были, конечно, одинаково удачны по формѣ и содержанію, то все же, по сравненію съ прошлымъ, былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ. Можно смѣло сказать, что Новиковъ, какъ руководитель книжной торговли, всегда имѣлъ въ виду, прежде всего, пользу читателей, какъ онъ ее понималъ, стремясь еще болѣе пріохотить ихъ къ чтенію, давать имъ, съ другой стороны, только то, что могло вліять благотворно на ихъ внутренній міръ. Всѣ лубочныя, рыночныя (тѣмъ болѣе—безнравственныя по духу) изданія были изгнаны изъ университетской лавки; не выпускали ничего подобнаго и руководимыя имъ типографіи. Новиковъ былъ гораздо выше, цѣльнѣе и послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ многіе книгопродавцы болѣе поздняго времени, которые готовы были принимать на комиссію и продавать какія угодно книги,—разъ на нихъ могъ быть спросъ.

Измѣнились кореннымъ образомъ и „Московскія Вѣдомости". Прежняя, чисто казенная окраска ихъ исчезла безъ слѣда. Новый редакторъ хотѣлъ не только сооб-

щать тѣ или иныя новости, придворныя или военныя (совсѣмъ обойтись безъ нихъ, конечно, нельзя было), но опять-таки — развивать читающую публику, помѣщать возможно больше полезныхъ, разнообразныхъ по содержанію статей и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагать своимъ подписчикамъ вполнѣ занимательное чтеніе. Съ этой цѣлью приглашены были новые сотрудники, выписывались иностранныя изданія, заказывались переводы отдѣльныхъ статей изъ этихъ изданій, — такъ какъ безъ нихъ не могла существовать газета, и къ тому же этимъ путемъ въ публику проводились свѣдѣнія о жизни другихъ, болѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ странъ. Много мѣста отведено было Новиковымъ почти отсутствовавшимъ ранѣе статьямъ по литературѣ и искусству, при чемъ онъ старался слѣдить за новыми явленіями въ этой области. Всѣ эти начинанія были вскорѣ оцѣнены русскимъ обществомъ, о чемъ свидѣтельствовалъ уже одинъ ростъ подписки на газету: вмѣсто прежнихъ 600, у него черезъ нѣсколько времени было уже 4.000 подписчиковъ. Такимъ образомъ, Новиковъ, занимающій вообще такое видное мѣсто въ исторіи нашей печати, бывшій редакторъ знаменитыхъ сатирическихъ журналовъ, сумѣлъ и въ этомъ случаѣ внести въ близкое его сердцу дѣло нѣчто новое и свѣжее и добиться выдающагося успѣха.

Но въ рамки выпускавшейся имъ газеты Новиковъ не могъ включить всѣхъ статей и всѣхъ отдѣловъ, которые онъ считалъ пригодными для средняго русскаго читателя. И вотъ онъ задумываетъ цѣлый рядъ приложеній къ газетѣ, которыя могли быть въ томъ или иномъ отношеніи полезны русской публикѣ. Одно изъ нихъ, вы-

ходившее въ 1783—4 годахъ, такъ и называлось „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“. Это былъ очень интересный и полный, по тому времени, журналъ, гдѣ помѣщались статьи по различнымъ вопросамъ. Много вниманія удѣлялось задачамъ воспитанія и образованія, всегда близкимъ душѣ Новикова, стоявшаго одновременно за просвѣщеніе ума и за развитіе лучшихъ свойствъ сердца, пробужденіе въ дѣтяхъ добрыхъ чувствъ, состраданія, жалости къ обездоленнымъ. Очень многія мысли, высказанныя въ этомъ отдѣлѣ, отнюдь не устарѣли и въ наши дни.—подъ ними можетъ подписаться каждый сторонникъ разумнаго, человѣчнаго воспитанія, при которомъ не можетъ быть ни гнета, ни тѣлесныхъ наказаній, ни безсмысленнаго зубренія уроковъ.

Весьма интересно и симпатично также все то, что Новиковъ и авторы печатавшихся въ журналѣ по его выбору статей говорятъ о воспитаніи религіозномъ, которое онъ хотѣлъ бы сдѣлать возможно болѣе сознательнымъ, поднимающимъ душу, свободнымъ отъ всякаго лицемѣрія и ханжества, но приближающимъ ребенка къ вѣчнымъ завѣтамъ Христа. Тотъ, кто когда то такъ ярко и остроумно обличалъ въ своихъ журналахъ невѣжественныхъ и безнравственныхъ „воспитателей“ русскаго юношества, коснулся и въ „Прибавленіяхъ“ участи дѣтей, получавшихъ уродливое, нелѣпое воспитаніе. И, наряду съ этимъ,—сколько было въ томъ же журналѣ содержательныхъ статей по географіи, исторіи, вопросамъ политическимъ и торговымъ! Мы чувствуемъ, что редакторъ хотѣлъ возможно больше ознакомить своихъ читателей съ жизнью другихъ народовъ, государствен-

нымъ строемъ главнѣйшихъ европейскихъ странъ и Сѣверной Америки, съ развитіемъ міровой торговли, съ успѣхами истиннаго просвѣщенія, разумной народной свободы, мирнаго, плодотворнаго труда... Человѣкъ безусловно умѣренный, не признававшій никакихъ крайностей, но всегда стоявшій за обновленіе и болѣе разумное устройство родной жизни, Новиковъ во многихъ случаяхъ, видимо, старался показать, какіе законы и порядки въ другихъ странахъ могли бы послужить примѣромъ для русскаго общества. Въ „Прибавленіяхъ“ совсѣмъ не было отдѣльныхъ статей о Россіи, — „потому, конечно“, говоритъ авторъ новѣйшей книги о Новиковѣ, В. Боголюбовъ, „что касаться ея надлежащимъ образомъ было невозможно. Но, благодаря всѣмъ замѣчаніямъ, разсужденіямъ и отступленіямъ издателя, какія такъ обильны въ статьяхъ, наконецъ, благодаря общему освѣщенію всѣхъ вопросовъ, въ „Прибавленіяхъ“ сказалось не мало родной современности, немало критики существующаго и идеаловъ, желательныхъ для будущаго“.

Литературно-научныя приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не ограничивались, однако, только что разобранными „Прибавленіями“. Новиковъ подумалъ и о дѣтяхъ, которымъ нужно было дать въ руки подходящія къ ихъ возрасту произведенія на родномъ языкѣ, тогда какъ раньше объ этомъ слишкомъ мало заботились. Такъ возникъ въ 1785 г. выходившій затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ журналъ „Дѣтское Чтеніе для сердца и разума“, недостаткомъ котораго было лишь то, что онъ опять-таки состоялъ исключительно изъ переводныхъ сочиненій и не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ

русской жизни; но вещи для переводовъ выбирались очень удачно, самъ Новиковъ слѣдилъ за этимъ, вслѣдствіе чего на разныхъ концахъ Россіи дѣти съ увлеченіемъ читали каждый выпускъ интересно составленнаго журнала, который вплоть до начала XIX столѣтія не утратилъ своего значенія и временами переиздавался, хотя новыхъ нумеровъ съ 1789 года уже не выходило. Подъ редакціей Болотова, сельскаго хозяина, второстепеннаго писателя, извѣстнаго не столько своими чисто литературными произведеніями („Ода искусству увеселяться красотами природы", „Чувствованія рожденнаго въ дворянствѣ"), сколько высоко любопытными записками, отражающими жизнь провинціальнаго дворянства въ XVIII в., выходилъ также при „Московскихъ Вѣдомостяхъ" сельско-хозяйственный журналъ или сборникъ— „Экономическій магазинъ". Въ продолженіе четырехъ лѣтъ Новиковъ издавалъ еще особый сборникъ переводовъ, который долженъ былъ одновременно поучать и развлекать читателя, особенно—провинціальнаго, предлагая ему и полезныя, содержательныя статьи, и различныя вещи для легкаго чтенія, помогающія коротать время и отвлекаться отъ повседневной, будничной жизни: „Городская и деревенская библіотека". Когда вспоминаешь всю эту кипучую, разностороннюю дѣятельность замѣчательнаго человѣка, такъ горячо любившаго свою родину и желавшаго видѣть ее истинно просвѣщенною, невольно хочется повторить вмѣстѣ съ авторомъ одной изъ работъ о немъ, Якушкинымъ, извѣстныя слова Кирѣевскаго, относящіяся къ Новикову: „Онъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чте-

и і ю... Дѣло, имъ совершенное, осталось. Оно живетъ. Оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности отъ потомства".

---

* * *

Принимая къ сердцу интересы широкихъ круговъ читающей публики, выпуская въ свѣтъ университетскую газету и различныя прибавленія къ ней, которыя въ его рукахъ имѣли главною цѣлью распространеніе образованности, борьбу со старымъ невѣжествомъ, расширеніе кругозора читателей, и потому должны были быть возможно болѣе общедоступными и простыми, Новиковъ, переѣхавъ въ Москву, не переставъ издавать и такіе журналы, которые являлись какъ бы продолженіемъ его „Утренняго Свѣта“ и требовали уже извѣстной подготовки и способности къ серьезному мышленію. Такими изданіями, выходившими въ Москвѣ въ 80-хъ годахъ, были „Московское Ежемѣсячное Изданіе“, „Вечерняя Заря“ и Покоящійся „Трудолюбецъ“. Здѣсь, мѣстами, ярко отражаются масонскіе взгляды и убѣжденія Новикова, его нравственная философія, религіозныя воззрѣнія, отношеніе къ наукѣ, оцѣнка тѣхъ ученій, которыя тогда пользовались успѣхомъ и у насъ, и на Западѣ. Придерживаясь строго религіозной точки зрѣнія, возставая противъ всѣхъ попытокъ высмѣивать и разрушать вѣру. Но-

виковъ въ тоже время вооружается и противъ суевѣрій, нетерпимости, преслѣдованій за вѣру, невѣжества духовенства, лицемѣрія. Подобно Ломоносову, онъ старается доказать, что вѣра и разумъ не противорѣчатъ другъ другу, что научная работа вполнѣ можетъ соединяться съ вѣрою въ мудрость и благость Творца. Онъ увѣренъ, что лишь человѣкъ просвѣщенный можетъ разбираться во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ и познавать смыслъ всего существующаго въ мірѣ. — съ другой стороны, отъ ученаго, изслѣдователя, онъ требуетъ высокихъ нравственныхъ качествъ. Очень интересно и на этотъ разъ то, что Новиковъ въ иныхъ случаяхъ говоритъ объ обязанностяхъ правителей по отношенію къ своимъ подданнымъ и о томъ вредѣ, какой дурные государи могутъ приносить своей странѣ.

Есть статьи, въ которыхъ отражаются чисто масонскіе взгляды и ученія, и въ которыхъ кое-что кажется намъ теперь нѣсколько чуждымъ, когда авторъ углубляется въ область таинственнаго или начинаетъ толковать о природѣ, происхожденіи тѣла и души, примѣнительно къ тѣмъ воззрѣніямъ на все это, которыя проводились западными масонами. Но любопытно, что даже въ такихъ изданіяхъ Новиковъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ жизни или измѣнить своему обычному правилу — поучать, развлекая и занимая. Отголоски окружающей дѣйствительности, мѣстами, сказывались и въ этихъ журналахъ. Съ другой стороны, въ нихъ было представлено и легкое чтеніе, хотя бы имѣвшее цѣлью — опять-таки провести и доказать на примѣрахъ тѣ или другія общія мысли. Полное заглавіе второго изъ этихъ журна-

ловъ было поэтому слѣдующее: „Вечерняя Заря“, заключающая въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самого себя и своихъ должностей, которыя представлены, какъ и въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, т.-е. небольшихъ исторіяхъ, повѣстяхъ, анекдотахъ и другихъ сочиненіяхъ, стихами и прозой“.

Въ „Московское Изданіе“,—послѣ временнаго отсутствія въ творчествѣ Новикова этой струи,—снова проникло кое-гдѣ сатирическое направленіе, и въ журналѣ появились картинки современной жизни, выдержанныя въ насмѣшливомъ или обличительномъ духѣ. Новиковъ снова коснулся нѣкоторыхъ золъ русской жизни, затрагивавшихся имъ раньше, не отозвавшись только на крѣпостное право, такъ какъ, повидимому, это представлялось ему въ ту минуту невозможнымъ. Но въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ отразилось и положеніе крѣпостныхъ, хотя время было для этого опять-таки совершенно неблагопріятное (журналъ выходилъ въ 1784—85 гг., когда Екатерина весьма подозрительно относилась ко всѣмъ выступленіямъ противъ крѣпостного права). Редакторъ помѣстилъ въ одномъ изъ нумеровъ „Трудолюбца“ стихотвореніе „Письмо къ другу“, въ которомъ обрисовывалась судьба крестьянъ, принужденныхъ работать безъ отдыха, при томъ, больше на помѣщика, чѣмъ на себя. Здѣсь попадались между прочимъ такія строки:

Для нашей роскоши, для прихоти своей,
Мы мучимъ, не стыдясь, подобныхъ намъ людей;

Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ.
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ.

Такъ и въ „Вечерней Зарѣ“ помѣщено было довольно большое стихотвореніе „Быль“, въ которомъ выведенъ сварливый и жестокій помѣщикъ, который не только ругаетъ слугу, какъ только можетъ, но и велитъ выдрать его на конюшнѣ плетьми за откровенный и правдивый отвѣтъ... Жизнь, со всѣми ея ужасами и противорѣчіями, вторгалась даже въ такія новиковскія изданія, которыя, повидимому, должны были болѣе, чѣмъ всѣ другія, отражать только масонскія вѣрованія, исканія и порывы въ заоблачный міръ.

Какъ масонъ, редакторъ журналовъ, гдѣ, такъ или иначе, всѣ житейскія явленія разсматривались съ точки зрѣнія масонскаго міросозерцанія, наконецъ, какъ просвѣтитель и человѣколюбецъ, жаждавшій всю душу вложить въ дѣло служенія ближнимъ, Новиковъ нашелъ въ Москвѣ поддержку и сочувствіе со стороны нѣсколькихъ представителей московскаго масонства, которые помогли ему, каждый на свой ладъ, провести въ жизнь свои благія начинанія, при чемъ одинъ изъ нихъ, въ свою очередь, сталъ во главѣ цѣлаго ряда предпріятій, преслѣдовавшихъ просвѣтительныя цѣли. О Херасковѣ уже шла рѣчь выше; онъ не только пригласилъ Новикова въ Москву и нашелъ для него замѣчательно подходящую къ его вкусамъ и способностямъ работу, но и въ дальнѣйшемъ оказывалъ всякое содѣйствіе всѣмъ начинаніямъ, какъ его самого, такъ и его единомышленниковъ и сподвижниковъ, — пользуясь своимъ офиціальнымъ положе-

піемъ, какъ одного изъ кураторовъ университета. Но, наряду съ авторомъ „Россіады", слѣдуетъ назвать еще нѣсколькихъ дѣятелей того времени, имена которыхъ не забыты вплоть до нашихъ дней. Это—проф. И. Шварцъ, И. В. Лопухинъ, Гамалѣя, кн. Ю. Н. и Е. Н. Трубецкіе, И. П. Тургеневъ, офицеръ Походяшинъ и нѣкоторые др.

Не часто можно встрѣтить въ тѣсномъ, сравнительно, кругу такой подборъ убѣжденныхъ, искреннихъ, отличающихся добротою и отзывчивостью людей, среди которыхъ была, напримѣръ, такая свѣтлая личность, не отъ міра сего, какъ Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, котораго, какъ вспоминаетъ Лонгиновъ, называли „Божьимъ человѣкомъ". Это тотъ самый Гамалѣя, который, узнавъ, что ему предполагалось пожаловать 300 душъ крестьянъ, отклонилъ отъ себя эту „награду", говоря, что онъ не умѣетъ управиться со своею собственною душою, поэтому тѣмъ болѣе не можетъ взять на свое попеченіе 300 чужихъ,—а когда слуга его обворовалъ и былъ пойманъ съ поличнымъ, отпустилъ его на всѣ четыре стороны со словами: „видно, мнѣ не суждено имѣть людей... отпускаю тебя, — и вотъ деньги, которыя ты взялъ: ступай съ Богомъ"! Про П. В. Лопухина, автора такихъ сочиненій, какъ „Духовный рыцарь", „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви", убѣжденнаго масона, человѣка искренно религіознаго, мы знаемъ, что онъ всюду, гдѣ могъ, проявлялъ человѣколюбіе, будучи судебнымъ дѣятелемъ, избѣгалъ примѣненія суровыхъ наказаній, смягчалъ, насколько возможно, участь преступниковъ, впослѣдствіи обнаружилъ большую терпимость и по отноше-

нію къ сектантамъ-духоборамъ, наконецъ, отличался самою широкою благотворительностью, стараясь при томъ, чтобы все это оставалось втайнѣ.

Но московскіе сподвижники и собратья Новикова были не только людьми съ благородными натурами и любвеобильнымъ сердцемъ: среди нихъ было нѣсколько высоко-образованныхъ, просвѣщенныхъ дѣятелей, занимающихъ видное мѣсто въ исторіи русской умственной жизни. Такъ, И. П. Тургеневъ, отецъ двухъ писателей, Александра Ивановича и Николая Ивановича—декабриста, долгіе годы проведшаго на чужбинѣ, въ качествѣ невольнаго эмигранта, автора извѣстной книги (на французскомъ языкѣ) „Россія и русскіе“,—былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени и оставилъ по себѣ свѣтлую память въ частности, какъ директоръ московскаго университета. Домъ князей Трубецкихъ былъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ въ эту пору, по составу общества, какое тамъ можно было встрѣтить: тамъ всегда бывали писатели, художники, ученые, любители словесности и просвѣщенія, вообще, образованные, развитые, всѣмъ интересующіеся люди. Но самымъ выдающимся, въ смыслѣ образованія, начитанности, просвѣщенныхъ вкусовъ и запросовъ, наконецъ, поразительной силы воли и выдержки въ области культурной работы членомъ новиковскаго кружка, безспорно, былъ профессоръ московскаго университета Шварцъ, проживший всего 33 года, но успѣвшій необыкновенно много сдѣлать для русскаго просвѣщенія. На его трудахъ стоитъ остановиться подробнѣе, такъ какъ его заслуги, въ своемъ родѣ, не менѣе заслугъ Новикова.

„Однажды пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался, всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ“,—таковы подлинныя слова Новикова. Этотъ „нѣмчикъ“, выходецъ съ Запада, уроженецъ Трансильваніи, случайно попавшій въ Россію, въ качествѣ домашняго учителя и воспитателя, и навсегда оставшійся въ русской средѣ, сдѣлалъ для второй своей родины больше, чѣмъ дѣлали многіе коренные русскіе. Онъ, не видавъ Новикова, хотѣлъ непремѣнно познакомиться съ нимъ, и, когда это знакомство состоялось, сдѣлался самымъ пламеннымъ сторонникомъ его плановъ и начинаній. Ревностный масонъ, живо интересовавшійся различными теченіями въ орденѣ, придававшій значеніе и такъ называемымъ тайнымъ знаніямъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ одушевленъ тою же любовью къ просвѣщенію, какою горѣлъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Вечерней Зари“. Не довольствуясь своею дѣятельностью какъ профессора московскаго университета, гдѣ онъ читалъ сначала—нѣмецкій языкъ, а потомъ—лекціи по искусству и философіи, онъ мечталъ объ основаніи общества, которое могло бы распространять здравые взгляды на вопросы воспитанія, выпускать полезныя и доступныя по цѣнѣ книги, поддерживая оживленную связь съ предпріятіями Новикова, какъ типографа и руководителя книжной торговли, наконецъ, выписывать изъ-за границы или, еще того лучше, подготовлять въ самой Россіи образованныхъ, просвѣщенныхъ учителей и воспитателей. Нужно ли говорить, насколько всѣ эти планы и мечты были близки и понятны Новикову, который самъ давно уже увлекался подобными мечтами,—и безъ участія ко-

тораго, съ другой стороны, благородный выходецъ съ Запада не могъ себѣ и представить свои планы осуществленными на дѣлѣ?..

* * *

Дѣятельность Шварца заслуживала бы болѣе подробнаго разбора, чѣмъ можно ей удѣлить мимоходомъ, при обозрѣніи жизни и трудовъ Новикова. Одинъ изъ его біографовъ, Якушкинъ, сравнилъ его, по степени его вліянія на московское общество и молодежь, съ дѣятелемъ XIX вѣка—Т. П. Грановскимъ. Мы знаемъ, что слово Шварца необыкновенно сильно дѣйствовало на его слушателей, оставляло глубокій слѣдъ въ ихъ душахъ, заставляло ихъ призадуматься надъ многими вопросами. Не довольствуясь своими университетскими чтеніями, онъ задумалъ читать публичныя лекціи для лицъ, не принадлежащихъ къ студенчеству. Постепенно осуществились на дѣлѣ нѣкоторые планы, зародившіеся въ умѣ Шварца, который считалъ ихъ весьма важными для коренного обновленія русскаго общества. Такъ возникла въ 1779 г. „Педагогическая семинарія", которая должна была готовить образованныхъ и проникнутыхъ новымъ духомъ учителей, и на устройство которой Шварцъ сдѣлалъ первый взносъ изъ своихъ собственныхъ небольшихъ денегъ (въ дальнѣйшемъ явились и другія по-

жертвованія). Началось дѣло съ малаго, учащихся въ семинаріи было всего нѣсколько человѣкъ; потомъ были приняты мѣры къ тому, чтобы число это увеличилось. Изъ провинціи, благодаря сношеніямъ съ мѣстными епархіальными властями, прислано было извѣстное количество учениковъ духовныхъ семинарій, изъ числа наиболѣе выдающихся и даровитыхъ, которые освобождались отъ платы и получали денежную поддержку. Основано было особое общежитіе для шварцевскихъ семинаристовъ, помѣщавшееся въ Москвѣ близъ Мясницкой и Меншиковой башни, въ Кривоколѣпномъ переулкѣ (домъ этотъ, въ общемъ — мало перестроенный съ годами, стоялъ еще въ послѣднюю четверть XIX столѣтія). Словомъ, сдѣлано было все, чтобы новое учрежденіе оказалось жизненнымъ и привлекло молодыя, свѣжія силы.

По мысли и благодаря стараніямъ того же неутомимаго человѣка, создалось въ Москвѣ и такъ-называемое „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, — студенческій кружокъ, члены котораго занимались, прежде всего, литературою, работали сами на этомъ поприщѣ, изучали вмѣстѣ съ тѣмъ и творчество лучшихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ). Наконецъ, сознавая, насколько нужны Россіи опытные, просвѣщенные, хорошо знакомые съ иностранными языками переводчики, Шварцъ создалъ особую „Переводческую Семинарію“, плоды дѣятельности которой вскорѣ сказались. Для Новикова не могло быть болѣе желательнаго и цѣннаго помощника и товарища по культурной работѣ, чѣмъ Шварцъ, вполнѣ близкій ему по духу (только съ бо́льшимъ уклономъ въ сторону таинственной стороны масонства), и во многихъ отноше-

ніяхъ какъ бы дополнявшій его, такъ какъ онъ получилъ болѣе правильное и законченное образованіе.

Начинанія двухъ друзей просвѣщенія были тѣсно связаны между собою. Доходы отъ типографій и книжной лавки Новикова шли частью на поддержку того или иного учрежденія, созданнаго Шварцемъ. Съ другой стороны, когда Новикову нужны были работники для его журналовъ, гдѣ такъ много мѣста отводилось поневолѣ вещамъ переводнымъ, къ кому могъ онъ обратиться за переводами, какъ не къ ученикамъ „Переводческой Семинаріи“, основывая которую, Шварцъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, и нужды различныхъ изданій, руководившихся его собратомъ по работѣ? Въ исторіи русскаго просвѣщенія никогда не можетъ быть забыто имя Шварца, этого „благороднаго представителя западно-европейской жизни“, въ русской средѣ екатерининскаго времени. И какъ грустно думать, что жизнь его оборвалась въ такую пору, когда онъ могъ еще многое сдѣлать для русскаго общества, и что въ награду за свои труды и безкорыстныя начинанія онъ получилъ немало непріятностей, интригъ и обидъ, — виновникомъ которыхъ былъ одинъ изъ кураторовъ московскаго университета, Мелиссино,—и долженъ былъ, наконецъ, прекратить чтеніе лекцій въ университетѣ, несмотря на любовь и уваженіе къ нему студентовъ и ту пользу, которую неизмѣнно приносила его дѣятельность, какъ профессора!..

* * *

Еще въ годы изданія Новиковымъ сатирическихъ журналовъ онъ мечталъ о созданіи совершенно частнаго, неофиціальнаго общества, которое заботилось бы объ изданіи книгъ и распространеніи просвѣщенія въ народѣ, не расчитывая ни на какую поддержку или участіе въ этой работѣ правительства. Съ другой стороны, Шварцу грезилось основаніе такого же общества, которое могло бы руководить различными просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, и, располагая крупными денежными суммами, развить культурную дѣятельность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но именно денежная сторона вначалѣ оставалась наименѣе выясненною и надежною, и мечты двухъ сподвижниковъ и единомышленниковъ казались инымъ слишкомъ безпочвенными, едва ли осуществимыми въ ближайшемъ будущемъ, потому что нужны были крупные, по тому времени, капиталы, чтобы провести на дѣлѣ всѣ эти планы. Шварца и Новикова многіе внимательно выслушивали,

имъ выражали сочувствіе,—но мало кто вѣрилъ въ то, что имъ удастся достигнуть намѣченной цѣли...

И вотъ, вопреки всѣмъ этимъ сомнѣніямъ, которыя могли казаться вполнѣ обоснованными, общество, о которомъ мечтали, каждый—по собственному почину и на свой ладъ, два московскихъ просвѣтителя, все же осуществилось и внесло еще большее оживленіе, стройность и планомѣрность въ ту хорошую, благородную работу, которая выполнялась и раньше, но нуждалась въ объединеніи отдѣльныхъ предпріятій, въ притокѣ новыхъ силъ, наконецъ, — въ полученіи главными работниками возможности, не стѣсняясь средствами, все болѣе расширять и углублять общеполезное дѣло. Въ 1781 г. сложилось, какъ нѣчто прочное и вполнѣ жизнеспособное, знаменитое „Дружеское Ученое Общество", въ которое Новиковъ, Шварцъ и ихъ единомышленники вложили всю свою душу.

Первое время это общество существовало частнымъ образомъ и не было признано и утверждено правительствомъ; годъ спустя, благодаря тому, что тогдашній московскій главнокомандующій, графъ Чернышовъ, сочувственно относился къ масонамъ и Новикову, получено было разрѣшеніе на совершенно открытое, признанное свыше существованіе общества. 6-го ноября 1782 г. состоялось въ домѣ П. А. Татищева, въ Москвѣ, у Красныхъ воротъ, въ присутствіи Чернышова и другихъ приглашенныхъ лицъ, торжественное засѣданіе, съ рѣчами на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ, которыми положено было начало открытой дѣятельности „Дружескаго Ученаго Общества". Татищевъ,

имя котораго было только что упомянуто, оказалъ обществу первостепенно важную услугу, подъ вліяніемъ Шварца пожертвовавъ на его нужды большую денежную сумму.

Собраны были и другія пожертвованія, — и работа закипѣла больше прежняго. Повидимому, московскіе дѣятели могли спокойно смотрѣть на ближайшее будущее, не опасаясь ни финансовыхъ затрудненій, ни преслѣдованій со стороны правительства. Они не подозрѣвали, что „горе ждетъ изъ за угла", что первыя придирки свыше, если не открытыя гоненія начнутся, сравнительно, очень скоро послѣ торжественнаго собранія въ татищевскомъ особнякѣ...

Много было сдѣлано „Дружескимъ Ученымъ Обществомъ", безъ котораго все то, что предпринималось Новиковымъ и Шварцемъ въ области просвѣтительной дѣятельности, воспитанія, подготовки новаго поколѣнія молодыхъ работниковъ, распространенія полезныхъ книгъ, осталось бы, можетъ быть, неполнымъ и разрозненнымъ; еще больше выполнила смѣнившая въ 1784 г. это общество „Типографическая Компанія", — обширное, прекрасно устроенное, располагавшее большимъ капиталомъ товарищество, которое, благодаря, прежде всего, неослабѣвающей энергіи и любви къ дѣлу Новикова, достигло, вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, совершенно исключительнаго успѣха и вліянія. Названіе „Типографическая Компанія" указываетъ только на одну, правда — очень важную, сторону дѣятельности, вновь возникшаго общества. Если Компанія взяла въ свое завѣдываніе всѣ типографіи, которыя были открыты на имя

Новикова и его друзей, на основаніи указа 1783 г., и поставила это дѣло на твердую почву, то задачи ея были все же гораздо шире этого и захватывали, между прочимъ, и разумно понятую благотворительность, и другія стороны культурно-просвѣтительной работы, помимо выпуска въ свѣтъ новыхъ, полезныхъ для общества и народа книгъ.

Тутъ мы находимъ и медицинскую помощь, и созданіе собственной больницы и прекрасно оборудованной аптеки, съ тщательно подобраннымъ составомъ служащихъ, и отправку молодыхъ людей за границу для завершенія образованія, и широко поставленную помощь неимущимъ, которой масоны всегда придавали большое значеніе, и основаніе школъ...

Никогда еще общественная самодѣятельность не проявлялась у насъ въ Россіи такъ ярко и внушительно. Не получая ни копѣйки отъ казны, не поддерживаемые никакими правительственными учрежденіями, частныя лица создали что-то большое, разностороннее, общеполезное, никѣмъ до того времени не превзойденное. Это былъ поучительный и краснорѣчивый примѣръ, который, повидимому, долженъ былъ вызвать подражанія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ смѣлый, рѣшительный, по условіямъ этой поры, образъ дѣйствій, который могъ навлечь на московскихъ просвѣтителей неудовольствіе и подозрительное отношеніе правительственныхъ круговъ и прежде всего—самой Екатерины, даже въ лучшую пору своей дѣятельности весьма ревниво относившейся ко всѣмъ начинаніямъ, которыя развивались помимо ея воли и руководства...

Изъ разнообразныхъ проявленій дѣятельности Новикова въ пору существованія „Типографической Компаніи“ одно должно быть поставлено совершенно особо: это была помощь голодающему населенію пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей, устроенная Новиковымъ и его товарищами въ 1787 г., при содѣйствіи человѣка, охотно сдѣлавшаго крупное пожертвованіе съ этой цѣлью, какъ только онъ узналъ, въ какомъ положеніи находится истомленное голодомъ крестьянство. Это былъ упомянутый выше Походяшинъ, гвардейскій офицеръ-сибирякъ, вышедшій изъ богатой семьи. Потрясенный горячей рѣчью Новикова, обрисовавшаго всѣ ужасы голода, онъ передалъ ему сначала 10 т. рублей на пріобрѣтеніе хлѣба, потомъ дополнялъ эту сумму, и въ общемъ, внесъ на нужды голодающихъ 50 т. рублей (слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду тогдашнюю стоимость нашихъ денегъ—въ ту пору это былъ внушительный капиталъ).

Новиковъ, благодаря этому пожертвованію, оказалъ существенную помощь населенію, приблизительно, ста деревень и селъ. Раздавая хлѣбъ, онъ, однако, не хотѣлъ дарить его крестьянамъ, а просилъ, если это окажется возможнымъ, уплатить за него, или вернуть взятое хлѣбомъ же,—осенью, послѣ новаго урожая. Прекрасно умѣя устраивать и направлять всякаго рода общественныя дѣла, онъ и въ этомъ случаѣ вполнѣ оказался на высотѣ положенія. Помощь голодающимъ была имъ выполнена прекрасно; отдавался онъ этому новому дѣлу, какъ всегда, съ увлеченіемъ и живымъ интересомъ...

Когда деньги за розданный хлѣбъ дѣйствительно стали получаться осенью отъ крестьянъ, но Походяшинъ отказался взять ихъ обратно, Новиковъ рѣшилъ образовать такимъ путемъ особый фондъ для устройства хлѣбнаго склада или магазина, откуда и впослѣдствіи могли бы выдаваться ссуды нуждающимся. Хлѣбъ, возвращавшійся иными вмѣсто уплаты денегъ, поступалъ въ эти же магазины. Если кто не могъ ни въ томъ, ни въ другомъ видѣ вернуть полученную ссуду, Новиковъ привлекалъ этихъ крестьянъ къ дѣлу сооруженія зданія для хлѣбнаго склада или къ обработкѣ новыхъ земельныхъ участковъ, при чемъ самъ онъ не получалъ отъ этого никакой выгоды, и заново воздѣланные участки впослѣдствіи должны были только обогащать хлѣбомъ все тотъ же общественный складъ.

Все это было такъ ново, своеобразно, непривычно, особенно—въ такую пору, когда полновластно царило крѣпостное право, и личность крестьянина очень рѣдко становилась предметомъ такой заботы и участливаго, вдумчиваго отношенія со стороны представителей помѣщичьяго класса!.. Тотъ же Болотовъ, чье имя было уже упомянуто выше, изобразивъ въ одномъ стихотвореніи судьбу „милліоновъ тварей низкихъ и несчастныхъ, вѣкъ живущихъ въ нищетѣ, подвергаясь стужѣ, зною, и стоная отъ трудовъ“, ограничивался выраженіемъ своей благодарности Богу за то, что въ „число толико многихъ милліоновъ“ онъ самъ не былъ включенъ судьбою, и ему не нужно было „весь свой вѣкъ влачить въ неволѣ, въ нуждахъ, горѣ и трудахъ“... А здѣсь передъ нами человѣкъ, готовый съ радостью все сдѣлать, что-

бы только спасти отъ нищеты и голода тѣхъ несчастныхъ людей, о которыхъ, въ сущности, довольно равнодушно, притомъ—многословно разсуждалъ Болотовъ въ своихъ „Чувствованіяхъ рожденнаго въ дворянствѣ".

Біографы Новикова отмѣчаютъ иногда то обстоятельство, что широко поставленная помощь Новикова голодающимъ совпала, какъ нарочно, съ путешествіемъ Екатерины II на югъ Россіи, которое должно было показать ей, что страна процвѣтаетъ и благоденствуетъ, для чего все было пущено въ ходъ, кончая декораціями, изображавшими вновь возникшіе въ пустынныхъ раньше мѣстностяхъ города, которыхъ на самомъ дѣлѣ еще не успѣли построить... Совпаденіе было неудачное и невыгодное для благороднаго дѣятеля, къ которому Екатерина относилась не особенно доброжелательно еще въ ту пору, когда онъ издавалъ свои сатирическіе журналы и посвящалъ въ „Трутнѣ" смѣлыя и потрясающія страницы изображенію бѣдствующей и обездоленной деревни. Боголюбовъ вспоминаетъ въ одномъ случаѣ кажущееся совершенно невѣроятнымъ, но, увы, подлинное замѣчаніе Екатерины, высказанное ею ближе къ концу ея царствованія и показывающее, какъ она представляла себѣ положеніе крестьянъ и степень ихъ обезпеченности: „У насъ умираютъ отъ объѣданія, а никогда отъ голода. У насъ вовсе не видно людей худыхъ, и ни одного въ лохмотьяхъ; а если есть нищіе, то, по большей части это—лѣнивцы; это говорятъ сами крестьяне". При такомъ своеобразномъ взглядѣ на положеніе бѣднѣйшаго класса Екатеринѣ не могли быть, конечно, пріятны получившія широкую огласку начинанія Новикова, подчер-

кивавшія то обстоятельство, что въ „благоденствующей“ Россіи населеніе мѣстами опредѣленно страдаетъ отъ недорода и голода...

* * *

„Помощь голодающимъ въ 1787 г., писалъ въ свое время П. Н. Милюковъ, уже не походила на тѣ добровольные сборы въ кружку, какіе дѣлались на засѣданіяхъ „Дружескаго общества“ въ началѣ 1780-хъ годовъ,—и организація помощи не походила на тѣ розыски отдѣльныхъ бѣдняковъ, которые предпринимались друзьями для упражненія въ филантропіи и для цѣлей личнаго совершенствованія... Голодъ 1787 г. былъ высшей точкой дѣятельности московскихъ мартинистовъ (масоновъ); но онъ же сдѣлался и началомъ ихъ бѣдствій“. Эта кипучая дѣятельность на пользу народа совпала съ такимъ временемъ, когда надъ Типографической Компаніей и ея руководителемъ уже собирались тучи, и недоброжелательное отношеніе правительства къ московскимъ дѣятелямъ успѣло проявиться въ нѣсколькихъ случаяхъ.

Благое дѣло помощи голодающимъ только подлило масла въ огонь. Вѣрный завѣту Христа о томъ, что въ дѣлахъ милосердія лѣвая рука не должна знать, что

дѣлаетъ правая. Походяшинъ желалъ, чтобы сохранилось втайнѣ его участіе въ борьбѣ съ голодомъ и нищетою и чтобы никому не было извѣстно, на какія деньги пріобрѣтается Новиковымъ хлѣбъ для крестьянъ. Это безкорыстіе и скромность Походяшина косвенно имѣли весьма нежелательныя послѣдствія для самого Новикова и его сотрудниковъ и товарищей (Шварца въ это время уже не было въ живыхъ). Источникъ, откуда почерпались средства для помощи деревенскому люду, показался подозрительнымъ и загадочнымъ. Заработало воображеніе, инымъ стало представляться, что масоны едва ли не выдѣлываютъ фальшивыя бумажки, такъ какъ инымъ путемъ у нихъ не могло собраться такой крупной суммы. Явилось, съ другой стороны, предположеніе, что раздача хлѣба отнюдь не вызвана была только желаніемъ исполнить свой долгъ по отношенію къ страдающимъ братьямъ, а имѣла цѣлью расположить въ пользу новиковскаго кружка народные слои, привлечь ихъ на свою сторону, „для замысловъ какихъ-то непонятныхъ“, очевидно, политическаго, революціоннаго свойства...

Все лучшее, что можно было отмѣтить въ трудахъ Новикова и другихъ масоновъ, представлялось какъ разъ Екатеринѣ подозрительнымъ, лицемѣрнымъ, имѣющимъ какую-то скрытую, преступную цѣль. „Вамъ извѣстно“, писала она одному изъ тѣхъ, кто всего болѣе причинилъ страданій новиковскому кружку,—московскому главнокомандующему князю Прозоровскому,—что Новиковъ и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатаніе книгъ, давъ такой всему благовидный видъ, что

будто бы всѣ тѣ заведенія они дѣлали изъ любви къ человѣчеству; но слухъ давно носится, что сей Новиковъ и его товарищи сей подвигъ въ заведеніи дѣлали отнюдь не изъ человѣколюбія, но для собственной своей корысти, уловляя пронырствомъ и ложною какъ бы набожностью слабодушныхъ людей, корыстовались грабленіемъ ихъ мнѣній, въ чемъ онъ неоспоримымъ доказательствомъ обличенъ быть можетъ". Неподдѣльную религіозность Новикова, который такъ рѣзко высказывался всегда противъ ханжества и суевѣрій, она склонна была считать „гнуснымъ расколомъ", „колобродствомъ", или же искуснымъ ходомъ ловкаго человѣка, чтобы прослыть какимъ-то праведникомъ и „уловлять" въ свои сѣти простодушныхъ людей... Всегда недовѣрчиво и насмѣшливо относившаяся къ масонству, вышучивавшая его въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, она и въ данномъ случаѣ не могла примириться съ тѣмъ, что въ дѣятельности новиковскаго кружка не все совершалось вполнѣ явно и открыто, а главное—не испрашивалось непремѣнно ея разрѣшенія на тѣ или другія мѣры и начинанія, направленныя ко благу страждущаго человѣчества... „Дѣло такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства"?

„Вотъ, гдѣ основана причина недовольства Екатерины: масонство есть независимая отъ ея контроля и вліянія просвѣтительная сила,—такая сила есть врагъ, съ которымъ необходимо бороться серьезно",—говоритъ тотъ же Милюковъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры". Въ этомъ же смыслѣ высказывались

и нѣкоторые другіе изслѣдователи, разбиравшіе дѣятельность Новикова и касавшіеся вопроса о той грозѣ, которая разразилась надъ московскимъ кружкомъ. „Новиковъ былъ самостоятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ, и вотъ этого-то Екатерина не хотѣла и не могла простить ему", писалъ въ свое время Якушкинъ. „Новиковъ дѣлалъ широкое и важное общественное дѣло, независимо отъ офиціальнаго направленія, безъ прямой связи съ дѣятельностью тогдашняго правительства, и этого было достаточно, по условіямъ того времени, чтобы вызвать на него гоненія. Только этой общей причиной и можно объяснить осужденіе Новикова: онъ былъ главою общественнаго движенія".

Боголюбовъ, также настаиваетъ на томъ, что Новиковъ всегда стоялъ „поперекъ дороги" Екатеринѣ, что его дѣятельность часто предвосхищала отдѣльныя мѣры императрицы, чего она совершенно не допускала, или противорѣчила имъ, „шли не по дорогѣ, указанной властью, всѣ были пропитаны духомъ независимой общественной иниціативы и далеко выходили изъ тѣхъ рамокъ, въ какихъ абсолютная власть хотѣла допускать самодѣятельность общества". „Эта дѣятельность Новикова имѣла то непріятное для власти свойство, что разгоралась все ярче, когда сама власть все больше успокоивалась въ горделивомъ созерцаніи достигнутаго благополучія"... Недаромъ Екатерина, еще въ ту пору, когда Новиковъ основалъ въ Петербургѣ училище и издавалъ свой журналъ „Утренній Свѣтъ", причислила его, правда, не называя по имени, къ „негодяямъ съ ложнымъ направленіемъ и кривыми взглядами".

Теперь, когда напечатаны (въ самоновѣйшее время) нѣкоторые новые документы, проливающіе свѣтъ на исторію умственнаго движенія той поры (опубликованы были, напримѣръ, письма московскихъ масоновъ, вышедшія подъ редакціей Я. Барскова и представляющія большой интересъ), мы видимъ, что ко всѣмъ причинамъ гоненій на новиковскій кружокъ присоединялась еще одна, уже чисто политическаго свойства. Тутъ дѣло было не только въ томъ, что Екатерина съ годами все болѣе страшилась всякаго рода тайныхъ обществъ, а послѣ быстрыхъ успѣховъ французской революціи, стала вдвойнѣ подозрительной и склонной къ мнительности въ этомъ отношеніи (начало гоненій, жертвою которыхъ сталъ Новиковъ, однако, предшествовало революціонной порѣ); въ данномъ случаѣ, какъ мы теперь знаемъ, имѣла немалое значеніе и ея боязнь той близости, какая существовала, какъ ей доносили, между масонами и ея опальнымъ сыномъ Павломъ, котораго она считала своимъ врагомъ, способнымъ въ одинъ прекрасный день предъявить свои права на престолъ и отмстить ей за сверженіе его отца и за долголѣтнее отстраненіе его самого отъ государственной дѣятельности. Императрица знала, что масоны, и въ частности—Новиковъ, далеко не все одобряли въ ея личной жизни, казавшейся имъ слишкомъ вольной и легкомысленной, что они возмущались и ея увлеченіемъ иными писателями и мыслителями, которые имъ представлялись разрушающими вѣру и добрые нравы. Знала она и о томъ, что масоны относились съ симпатіей къ Павлу Петровичу и въ глубинѣ души сожалѣли о томъ, что не онъ занимаетъ пре-

столъ. Ей было извѣстно, что онъ, въ свою очередь, сочувствовалъ масонскому ордену и даже, говорятъ, долженъ былъ быть принятъ въ его члены.

Сношенія русскихъ масоновъ съ прусскими (общеніе масоновъ различныхъ странъ, вообще говоря, было совершенно въ порядкѣ вещей) было истолковано, въ виду натянутыхъ отношеній между Россіей и Пруссіей, какъ доказательство политическихъ интригъ, имѣвшихъ цѣлью открыть Павлу дорогу къ престолу, при помощи иностраннаго вмѣшательства. Повидимому, у берлинскихъ масоновъ извѣстнаго оттѣнка, дѣйствительно, были намѣренія вызвать въ Россіи политическія осложненія и добиться торжества Павла. Но можно смѣло утверждать, зная, какъ относился къ чисто политическимъ вопросамъ занятый совершенно другими задачами Новиковъ, что онъ не былъ повиненъ во всѣхъ этихъ планахъ и замыслахъ, хотя и сочувствовалъ Павлу, считая его лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ — и что связь съ берлинскими масонами имѣла для главныхъ членовъ московскаго кружка смыслъ прежде всего — духовнаго общенія и совмѣстнаго выясненія съ болѣе опытными и знающими людьми различныхъ вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ „сокровеннымъ тайнамъ“ истиннаго масонства...

Какъ бы то ни было, исторія расправы съ московскимъ кружкомъ и прежде всего — съ самимъ Новиковымъ, который пострадалъ больше всѣхъ, представляетъ собою черную страницу въ лѣтописяхъ екатерининскаго царствованія. „Дѣло сіе несоотвѣтственно ея славѣ“, замѣтилъ когда-то канцлеръ Екатерины, графъ

Безбородко: можно было бы выразиться даже рѣзче... Многіе современники сознавали, какую роковую ошибку дѣлаетъ правительство, вооружаясь противъ благороднаго и безкорыстнаго человѣка. Карамзинъ впослѣдствіи писалъ Александру I, что Новиковъ, какъ гражданинъ, полезною своею дѣятельностью заслужилъ общую признательность, и называлъ его невиннымъ страдальцемъ, „жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго“.

Тѣ лица, которыя должны были разгромить московскій кружокъ, предварительно произведя разслѣдованіе, оставили по себѣ самую печальную память. Графъ Брюсъ, московскій главнокомандующій, смѣнившій расположеннаго къ масонамъ Чернышова, по всѣмъ отзывамъ, былъ человѣкъ высокомѣрный, крутой и жестокій. О другомъ лицѣ, занимавшемъ потомъ тотъ же постъ, Прозоровскомъ, біографы Новикова обыкновенно приводятъ отзывъ Потемкина—въ его письмѣ къ Екатеринѣ II: „Ваше императорское величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества“! Тотъ же Прозоровскій, по преданію, которое приводитъ, между прочимъ, Пыпинъ, такъ мало могъ разбираться въ бумагахъ Новикова, что, увидавъ въ примѣчаніяхъ цифры, указывавшія на главы и стихи изъ Св. Писанія, рѣшительно заявилъ ему: „Вотъ тутъ, подъ этими условными знаками, скрываются ваши зловредные замыслы и преступныя ученія; но все это теперь откроется“. Въ Шлис-

сельбургской крѣпости допрашивалъ Новикова знаменитый своею жестокостью слѣдователь Шешковскій, который не брезговалъ при допросѣ обвиняемыхъ ни запугиваніемъ, ни пыткою или тѣлеснымъ наказаніемъ, и при одномъ имени котораго иные падали въ обморокъ, разъ имъ предстояло попасть къ нему въ руки. „Ну, что, Степанъ Ивановичъ, какъ к н у т о б о й н и ч а е ш ь“, говорятъ, спрашивалъ его обыкновенно Потемкинъ, здороваясь съ этимъ слѣдователемъ-мучителемъ.

Съ 1784 г. начались преслѣдованія, направленныя противъ Новикова и его друзей и вначалѣ выражавшіяся въ мелкихъ придиркахъ, при чемъ неутомимому дѣятелю просвѣщенія ставились въ вину такія дѣянія, какъ перепечатка имъ нѣсколькихъ учебниковъ, выпущенныхъ комиссіей народныхъ училищъ, что было сдѣлано въ свое время съ вѣдома и разрѣшенія Чернышова, — или появленіе въ одномъ изъ его журналовъ исторіи іезуитскаго ордена, отмѣчавшей отрицательныя стороны послѣдняго, тогда какъ Екатерина приняла іезуитовъ подъ свое покровительство, хотя частнымъ образомъ и называла ихъ „плутами“. Потомъ дѣло перешло уже на болѣе серьезную почву, ничего хорошаго не сулившую Новикову; начались допросы, разслѣдованія, обращенія къ духовной власти (московскій архіепископъ Платонъ долженъ былъ разобрать книги, выпущенныя Новиковымъ и испытать его самого въ православной вѣрѣ, при чемъ, вопреки желаніямъ и надеждамъ правительства, призналъ его безупречнымъ христіаниномъ). Постепенно разрушались прекрасныя начинанія московскаго кружка: стѣснена была книжная торговля, по минованіи десяти-

лѣтняго срока (въ 1789 г.) предписано было не сдавать больше въ аренду Новикову университетскую типографію. Два года спустя закрыта была Типографическая Компанія", съ такимъ трудомъ и съ такою любовью къ дѣлу созданная. Все это завершилось арестомъ больного Новикова, который жилъ въ ту пору въ своемъ имѣніи Авдотьинѣ (московской губ.), и его отправленіемъ для допроса сначала въ Москву, а потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда велѣно было везти его окольнымъ путемъ черезъ Ярославль, по возможности—сохраняя все это дѣло втайнѣ, какъ будто рѣчь шла о самомъ тяжкомъ политическомъ преступникѣ. Послѣ разслѣдованія новиковскаго дѣла,—разслѣдованія, которое не имѣло даже подобія законности и не было поручено, хотя бы для соблюденія внѣшняго приличія, какому-либо судебному учрежденію, послѣдовалъ знаменитый указъ 1792 г., по которому нашъ первый общественный дѣятель присужденъ былъ къ 15 годамъ заключенія въ крѣпости, при чемъ это наказаніе изображалось какъ бы смягченіемъ другого, болѣе тяжкаго, т.-е., очевидно,—смертной казни. „Мы, однако-жъ", писала, между прочимъ, Екатерина, „и въ семъ случаѣ, слѣдуя сродному намъ человѣколюбію, и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія... повелѣли запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость". Но и въ этомъ указѣ, гдѣ перечислялись различныя „вины" Новикова, не было выставлено ничего такого, что давало бы хоть нѣкоторое основаніе для упоминанія о „тягчайшей и нещадной казни", отъ которой онъ яко бы избавленъ только по человѣколюбію и милосер-

дію государыни. Впрочемъ, въ указѣ упоминается о томъ, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“...

* * *

Въ Шлиссельбургѣ Новикову не пришлось провести 15 лѣтъ, какъ предполагала Екатерина. Четыре года спустя, въ 1796 г. она умерла, и на престолъ вступилъ Павелъ, который тотчасъ же освободилъ изъ Шлиссельбургской крѣпости Новикова (есть преданіе, что онъ на колѣняхъ просилъ у него прощенія за свою мать), подобно тому, какъ онъ вернулъ изъ Илимскаго острога даровитаго и просвѣщеннаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ Радищева, и вообще старался выказать вниманіе и участіе всѣмъ тѣмъ, кого преслѣдовала столь ненавистная ему мать. Новикову суждено было прожить послѣ этого еще 22 года,—но это было только печальное доживаніе, непохожее на прежнюю, лучшую пору его жизни и дѣятельности. Шлиссельбургъ сломилъ его въ конецъ! Тяжелое впечатлѣніе произвелъ онъ на одного изъ своихъ друзей и единомышленниковъ, Гамалѣю, когда пріѣхалъ къ нему, вскорѣ послѣ освобожденія изъ крѣпости. „Онъ прибылъ къ намъ 19-го ноября поутру“, писалъ, искренно преданный своему другу „Божій человѣкъ“,—„дряхлъ, старъ и согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ“.

Поправить то, что было разрушено крѣпостью, не было уже возможности, хотя временами,—и это производитъ очень сильное и вмѣстѣ трогательное впечатлѣніе,—у Новикова, дряхлаго, разслабленнаго, являлись снова порывы къ работѣ и плодотворной дѣятельности, и онъ даже подумывалъ о томъ, не добиваться ли ему снова аренды университетской типографіи... Онъ доживалъ свои дни въ Авдотьинѣ, по прежнему увлекаясь масонствомъ, въ которомъ его теперь стала больше привлекать и сторона таинственная,—интересуясь, однако, и другими вопросами, очень много дѣлая для своихъ крестьянъ, которые сохранили о немъ благодарную память.

Новикову суждено было пережить и тяжелый, тревожный 1812 годъ, приведшій въ полное разстройство его хозяйственныя дѣла и съ другой стороны давшій ему возможность лишній разъ проявить свою рѣдкую доброту и человѣколюбіе: онъ принималъ участіе въ отсталшихъ отъ своихъ частей французахъ, давалъ имъ пищу, оказывалъ медицинскую помощь,—и этимъ едва не навлекъ на себя новыхъ, серьезныхъ непріятностей, такъ какъ это показалось подозрительнымъ и недопустимымъ!..

31-го іюля 1818 года не стало такъ много вынесшаго на своемъ вѣку дѣятеля, личность котораго и въ наши дни можетъ вызывать только чувства искренняго и глубокаго уваженія, какъ личность борца за просвѣщеніе и народное благо.

0193502/7
ДП 30.—
402034/1

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗВѢЗДА“ Н. Н. ОРФЕНОВА
Москва, Спиридоньевскій пер., д. № 4. Телеф. 3-10-94.

СЕРІЯ БІОГРАФИЧЕСКАЯ:

№ 1. ДЖОНЪ РЕСКИНЪ, великій англичанинъ. 2-е изд.
№ 2. ІОСИФЪ МАЦЦИНИ, апостолъ долга и мирнаго прогресса. 2-е изд.
№ 3. Ж. РОДЕНБАХЪ, бельгійскій поэтъ.
№ 4. Ж. ЭКОУТЪ, бельгійскій пѣвецъ пролетаріата и „бывшихъ людей“
№ 5. Э. ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, вождь бельгійскихъ соціалистовъ.
№ 6. Ж. ДЕСТРЭ, бельгійскій соціалистъ.
№ 7. А. С. ГРИБОѢДОВЪ. 2-е изд.
№ 8. И. А. КРЫЛОВЪ. 2-е изд.
№ 9. Н. И. НОВИКОВЪ. 2-е изд.
№ 10. Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.
№ 11. Н. А. НЕКРАСОВЪ. 2-е изд.
№ 12. Л. А. СѢРЯКОВЪ, первый русскій академикъ-граверъ.
№ 13. Я. Б. КНЯЖНИНЪ.
№ 14. В. М. ГАРШИНЪ. 2-е изд.
№ 15. Н. В. ГОГОЛЬ.
№ 16. А. Н. АПУХТИНЪ.
№ 17. С. Я. НАДСОНЪ.
№ 18. А. К. ТОЛСТОЙ.
№ 19. А. Н. ОСТРОВСКІЙ.
№ 20. М. БАШКИРЦЕВА.

Цѣна 2 руб.